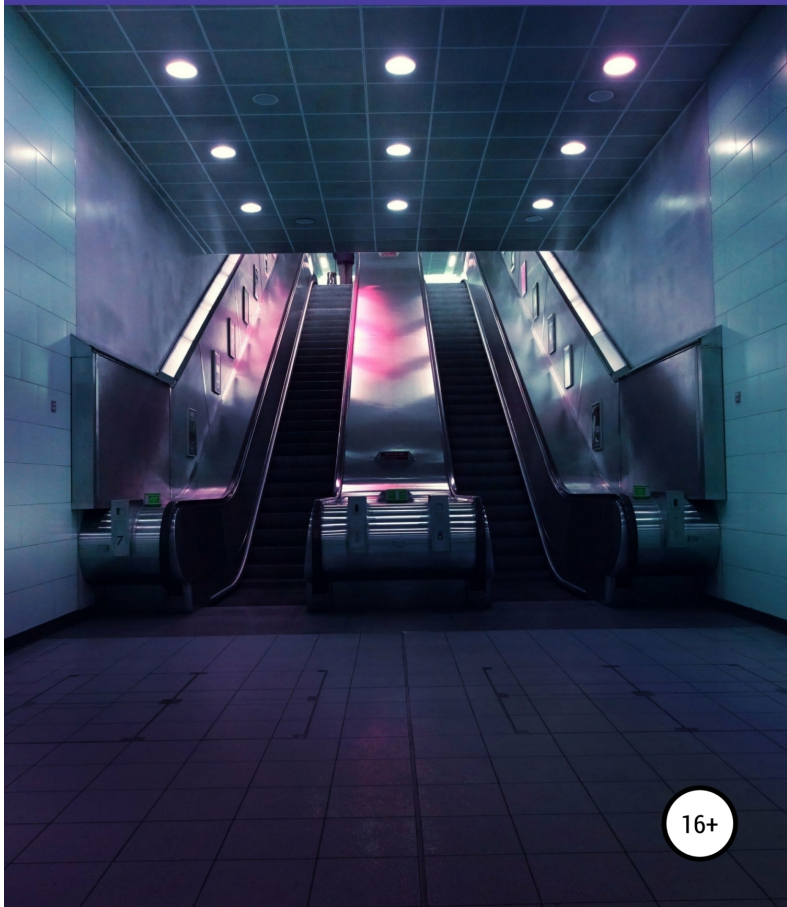


Кристина Устинова

По дороге к парку Горького



16+

Кристина Устинова

По дороге к парку Горького

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66538788

SelfPub; 2021

Аннотация

Владимир каждое утро ездит на работу в метро: всё как обычно – дорога, работа, дом... Но вот однажды в метро он сталкивается с женщиной Анной – жертвой домашнего насилия, которая пытается скрыться от преследований сожителя. Владимир хочет помочь ей, но он не догадывается, как чему приведёт маниакальная любовь её бывшего возлюбленного...

Кристина Устинова

По дороге к парку Горького

– Извините, вы не подскажете, как выйти к Парку Горького?

Я содрогнулся и осмотрелся. Возле меня стояла блондинка. Она смотрела как будто сквозь меня стеклянными глазами. «Как у трупа. А может, она просто пьяна...» – думаю я и содрогаюсь.

– Мы подъезжаем к станции. Потом выйдите, сразу же поворачивайте налево и идите по дорожке вниз. – Я улыбаюсь, но она ничего не говорит, только отворачивается.

Это понедельник. Я как обычно направляюсь на работу, мне также выходить на станции Парка Горького. Удивительно, но когда пять дней в неделю мотаешься по метрополитену уже много лет, постепенно различаешь среди толпы знакомые лица: вот возле меня, по правую руку, сидит рыженькая женщина в строгом офисном костюме. Нарушая все правила, к дверям прислонился пацан в наушниках и с портфелем, на котором изображены динозавры, а чуть поодаль толстая женщина кричит на свою дочь: «Хватит уже ныть, Лиза! Сил у меня больше нет...» По сути, я даже стал своим, я стал типичной бактерией этого московского метрополитена...

Но вот блондинку я вижу впервые. Стройная, загорелая, в облегающем синем платье, она держится за поручни и всё

время переминается с ноги на ногу, а глаза то смотрят в одну точку, то бегают по сторонам. Заметно, что она нервничает – может, опаздывает?..

Мои рассуждения прерывает бесстрастный чёткий голос: «Станция Парк Горького...» Я встаю, беру фотоаппарат, и мы все выходим на ярко освещённую станцию. Блондинка идёт впереди меня, грациозно и величественно, её платье сразу выделяется из серой массы. Мы встаём на эскалатор, она впереди меня. Неожиданно я слышу ритмичную мелодию; это её телефон. Она берёт трубку и тихо-тихо (мне приходится слегка наклониться) говорит:

– Да, кто это? А, это ты, Наташа, что такое?.. В смысле? Как это, ты его видела?! О боже... мне конец, Наташа, мне конец... Но ты же ему не говорила, надеюсь? Что я еду в Парк Горького? Дура! – кричит она так громко, что все стоящие люди к ней поворачиваются. – Напугал, значит? Я тебя ненавижу!

Она бросает трубку и закусывает губу; по её щекам бегут слёзы. Мне становится её жалко, она прям белее полотна, а рука, которая держит телефон, дрожит. Я говорю ей как можно мягче:

– Ну же, не плачьте... Что же случилось?

Она косо смотрит на меня и тут же поднимается вверх со словами: «Извращенец... и чего пристал?..»

Я вздыхаю и беспомощно смотрю ей вслед, как синее пятно скрывается за пролётом. Но едва блондинка исчезает, как

тут же я слышу невнятный крик:

– Ан-ня! К-куда направилась, прос-ститутка?!

Голос явно принадлежит мужчине. Мы – то есть, я и мои соседи по эскалатору, – вытягиваем головы. У меня на секунду замирает сердце, в голове мелькает мысль: «Неужели это про ту блондинку?» Но тут же раздаётся такой отчаянный женский крик, что я бегу вверх и вижу её, эту блондинку в руках мужчины – грязного, потного и лысого. Он таскает её за волосы, полиция пытается оттянуть его, бьёт дубинками по спине, но тот намертво вцепился в Анну, словно они вдвоём единое целое. Проходимцы и зеваки ахают, однако не отходят с места и наблюдают за боем. Полицейские хватают мужчину под руки и кое-как оттаскивают от девушки, а та падает на колени и ревёт. Я хочу подойти к ней, но бедняга шарахается даже от подроспевшего медика с валерьянкой и бинтами.

– Девушка, – говорит он, – вы с ума сошли? У вас же на волосах кровь!

– Н-нет, не надо. – Она встаёт и оттряхивается, а мужика уводят.

Один из полицейских подходит к ней и говорит:

– Вы с ним знакомы?

– Да. Это мой сожитель.

– Так вы с ним не расписаны?.. Если хотите, вы можете прямо сейчас написать заявление.

Ей глаза метают искры.

– Какой смысл, если я неоднократно писала вам? Что, ждёте, когда он меня убьёт, Александр Григорьевич? Если он на меня нападает прямо при всех в наркотическом опьянении, то это для вас уже должно хоть что-то значить, не так ли?

Полицейский хмурится.

– Так вы пишете или нет?

– Пишу я, пишу...

В парке Горького я работаю фотографом. Сейчас лето, очень много туристов, и каждый из них хочет сделать фотографию с видом на Москву-реку или, скажем, возле фонтанов. Я иду к парку, думаю про это происшествие, но, дойдя до места работы, тут же забываю и про Анну, и про её сожителя-наркомана.

Работы много, в основном около входа, когда группа туристов просит сфотографировать у арки или у фонтанов. К полудню запекает так, что я стою внутри арки, не испытывая не малейшего желания добираться до Москвы-реки и ловить новых клиентов. Изнывая от жары, я ем мороженое и впервые за полчаса обеденного перерыва обращаю внимание на против стоящего парня с электронной сигаретой. Он то тербит её в руке, то озирается по сторонам или вообще ходит вдоль арки.

Неожиданно с улицы кто-то кричит: «Дима!», и парень уходит. Я провожаю его взглядом; он идёт к Анне. За три-

четыре часа в полиции она выглядит хуже, чем в первые минуты драки и после неё: платье чуть ли не до бёдер разорвано, волосы растрёпанные и свисают клочьями, щёки опухли от слёз и почернели от туши, а разбитые губы вздулись; с них свисала застывшая струйка крови. На секунду Дима колеблется и тут же заключает её в объятия. Я слышу их голоса.

Дима говорит:

– Почему ты так долго? Что с тобой случилось?

Анна прижимается к его груди.

– Фёдор... он узнал, что я к тебе поехала, от соседки...

Вот он меня и подкараулил у парка, приехал к метро на «Жигули».

– Но где ты так долго была?

– В полиции, Дим, в полиции я была. Опять писала заявление, вроде бы приняли, но его отпустили.

– Дурдом... Ну почему ты не съедешь?

– Так мне некуда езжать, Дим. А ты чего меня непустишь? У тебя всё-таки съёмное жильё, не коммуналка...

Он отстраняется от неё и уходит. Анна с минуту стоит, смотрит ему вслед и тут же хватается за руку.

– А если он меня убьёт?! Ты мог бы за меня заступиться!

Но вместо этого Дима спускается в пешеходный переход и совсем скрывается из виду. Пошатываясь, Анна прислоняется к одной из колонн арки и заливается слезами, а охранник равнодушно на неё смотрит, поедая сэндвич. Я подхожу к ней и, чтобы хоть как-то приободрить, говорю:

– Не плачьте, пожалуйста. Такой сопляк, как он, никому не нужен... А вы помните меня? Мы сегодня с вами виделись в метро...

Она тут же перестаёт плакать и хмурится.

– Да, я вас *прекрасно помню*. Что вам нужно? Я же ведь вас даже не знаю!

– Ну... – Я покраснел. – Просто я был свидетелем вашей драмы, мне вас жаль... Можно мне хотя бы поддержать вас морально? Правда, всё будет хорошо.

Анна всхлипывает и скрещивает руки на груди. Она словно мирится со своей участью и говорит, – точнее, изливает душу:

– Если бы... Мой сожитель просто псих! Впустила его к себе домой четыре месяца назад, а сейчас жалею. Если бы я знала, к какому монстру попаду....

– Ну так если этот урод избивает вас в вашем же доме, – к тому же, вы даже не расписаны, – так почему вы не можете выгнать его?

– В том-то и дело, что я его выгнала, но он меня преследует, а когда узнал, что я встречаюсь с парнем, так вообще с цепи сорвался. – В её глазах стоят слёзы. – Он говорил, что обольёт меня из угла кислотой!

– Так давайте я вас провожу вечером до дома?

Она натянула улыбку – неестественную и грустную, как у побитого ребёнка.

– А как вас зовут?

– Владимир.

– Спасибо вам, Владимир, за предложение, но нет... У меня и так проблем по горло, не хотелось бы вас впутывать во всё это. Тем более... мало ли, что... Фёдор сидел целых три раза – два за хулиганство, а один раз за убийство по неосторожности.

– Ну тогда давайте обменяемся номерами телефонов, прошу вас! Мне так спокойнее будет, если что – звоните.

Она тупо смотрит на телефон в моей руке и говорит номер. После этого Анна уходит, а я смотрю ей вслед, на её разорванное платье, и вспоминаю свой сестрёнку Алёну: тоже терпела побои от сожителя-мигранта, а потом ушла, но, к счастью, без серьёзных последствий. Потом она жаловалась мне, что пять лет играла роль груши для битья, а эта относительно недолго продолжалось. «И всё-таки, бабы дуры, – думаю я. – Терпят, терпят – и для чего?.. Что они ищут в рецидивистах и зависимых? Эх, как же эта Аня похожа на мою же Алёну – такая же дура... Ну, таких нужно спасать от собственной же дурачности»

У меня ёкает сердце, и я быстрым шагом иду в сторону Москвы-реки.

За весь остаток дня от Анны – ни звонка. Больше я ни её, ни Диму не увидел, даже на обратном пути в метро. На следующий день, как ни странно, я практически забываю об этой истории; сонливый, с чашкой кофе в руке, я собираюсь

на работу. Натягивая штаны, я кладу телефон сбоку, и тут же он звонит. Незнакомый номер. Я прикладываю гаджет к уху и говорю:

– Алло?

– Это вы, Владимир?

– Да, Анна, это я. Что случилось?

Голос у неё снисходит до едва слышного шёпота и заметно дрожит:

– Я ночевала вчера у своей соседки, Ольги... Добралась я хорошо, не переживайте, но под утро застала его во дворе, он в стельку пьяный!

– Господи Иисусе! Где вы сейчас?

– Не беспокойтесь, я в метро, там много народу, я в безопасности... Но мне нужно доехать до парка Горького, сегодня как раз из Италии вернулась моя сестра, она живёт неподалёку от парка... Я боюсь.

– Той же ситуации, что произошла вчера? Вы хотите, чтобы я вас сопровождал?

– Да... пожалуйста! Я боюсь, что он меня убьёт!

Последнее слово она буквально проорала, мне стало дурно, и я как можно спокойнее сказал:

– Хорошо, Анна, не плачьте. Я скоро буду.

Нашёл я её быстро, она стояла ближе к выходу, с двумя чемоданами на колёсиках, в зелёном платье в цветочек и с солнцезащитными очками, а волосы её прикрыты шляпой.

Даже под всем этим костюмом я вижу распухшее от слёз и синяков лицо. Она молча мне кивает, и мы под руку спускаемся вниз и едем. Честно скажу, впервые я испытываю такой адреналин! Теперь мои привычные соседи по вагону, самая обычная поездка кажутся мне квестом, где главная задача – защитить девушку от чудовища. Мы сидим вместе, вцепившись друг в друга за руки, как любовники после долгой разлуки. Я чувствую её дрожь, ледяные пальцы сжимают руку до такой степени, что костяшки белеют. Мне больно, но я молчу. Что моя боль по сравнению с ней, когда она должна каждое утро просыпаться только с одной мыслью: «Лишь бы он меня не убил»?

«Станция парка Горького...»

Анна вздрагивает и поднимает меня с сиденья, мы бежим по эскалатору, ноги у меня тяжелеют, но я бегу, она с грохотом тащит чемоданы, а люди, обычные пассажиры, с недовольными минами расступаются в сторону. Мы поднимаемся наверх и на несколько минут останавливаемся отдышаться; ноги у меня затвердевают и трясутся, я с трудом перевожу дыхание, а пот течёт со лба, потемневшая футболка прилипает к телу. У Анны вид не лучше: очки и шляпа спали, чемоданы снизу стёрлись.

Мы друг другу улыбаемся – устало и облегчённо. Всё обошлось...

Неожиданно Анна меняется в лице: белеет и кричит, отстраняется в сторону. Едва я успеваю обернуться, как что-то

тяжёлое прилетает по голове, и я теряю сознание.

...Первое, что я слышу сквозь пелену тумана – крики и плач, гудение и свисты. Я ощущаю, как лицо моё сморщивается от боли. Кто-то нежно меня приподнимает, и вдруг резкий запах выветривает из меня всю сонливость. Я приоткрываю глаза и тут же щурюсь от яркого света... но не от люстры, а от фонаря.

– Тише, тише, всё хорошо. Главное – не смотрите по сторонам.

Я, наконец, открываю глаза. Много народу – полиция, «скорая», обычные люди, окружающие меня полукругом. Вокруг них ходят полицейские, прогоняют зевак и огораживают их лентой. Надо мной склоняется медсестра, перевязывает мне голову. Взгляд мой падает на лужу крови у ног, и я провожаю её взглядом, пока не нахожу у подножья тело Анны. Я вижу только ноги... а голова стучит по ступеням. Над ней рыдает, склонившись, Фёдор, всё такой же потный и грязный, весь в крови, а возле него лежит окровавленная бита. Его заковывают в наручники и проводят к выходу, а я снова проваливаюсь в темноту.

...Станцию парк Горького закрыли на неопределённый срок, однако я туда приходил снова и снова – только со следователями. Очень много раз – раза три, это точно, – я подходил к окровавленной площадке, вставал возле засохшей

лужи крови на полу, возле эскалатора, из-под которого торчали светлые волосы, и рассказывал о том, что произошло.

С тех пор проходит месяца три. Станция теперь работает в своём обычном режиме, как будто ничего и не было. Но, поднимаясь к выходу, я всегда смотрю под ноги – на едва видимое посторонним глазом пятно крови.